[8] *Kant I.* Briefwechsel. S. 574.
[9] *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 633.
[10] *Верещагин В. А.* Московский Аполлон. Пг., 1916. С. 34. Верещагин описывает альбом «Московского Аполлона», как называли А. М. Белосельского. Он был любимцем муз, знатоком живописи, музыки и поэзии, сочинял стихи — французские и русские, мы их находим в альбоме. Рядом — письма Вольтера, Мармонтеля и других знаменитостей, автографы Екатерины II и Павла I. Попутно Верещагин рассказывает о жизни владельца альбома. Он с похвалой отзывается о дипломатических донесениях князя из Турина, которые послужили причиной отставки Белосельского. Журит Верещагин Белосельского за фривольную «Олиньку». О «Дианиологии» упоминает неодобрительно.
[11] *Mazon A.* Op. cit. P. 80.
[12] ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 20.
[13] *Kant I.* Briefwechsel. S. 573.
[14] Altpreussische Monatshefte. 1900. Folge 5. S. 325.
[15] ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 102.
[16] Там же. Л. 62.

А. М. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ

ДИАНИОЛОГИЯ, ИЛИ ФИЛОСОФСКАЯ СХЕМА ИНТЕЛЛЕКТА

Господину барону де Глейхену,
бывшему полномочному послу
в Париже, Мадриде и Неаполе
и т. д. и т. п.

Кому еще я мог бы посвятить трактат об интеллекте, как не уважаемому другу, острый ум и рассудительный пример которого открыл мне когда-то секрет моего собственного Я и который один помогал мне как бы складывать по слогам философские идеи. Я осмеливаюсь сегодня предложить ему результат этого обучения.

Предмет, я надеюсь, нов, и способ, которым я попытался его истолковать, возможно, необычен для известных мне метафизиков.

В литературе высказать все секреты — значит наскучить, а в философии это, несомненно, средство помешать думать.

Гроций, Пуффендорф, Кондильяк, Вольтер, Даламбер и даже мудрый Локк размышляли над многим, но они оставляют весьма мало что-либо делать после себя другим.

Иначе обстоит дело у Ж.-Ж. Руссо, Монтескье и особенно у Монтеня и Ларошфуко. Они не стремятся осветить все ваши шаги, но собирают лучи света в фокус и озаряют вас в тот самый момент, когда вы остановились.

Они думают, и вы думаете вместе с ними. И иногда пространное воспоминание об их размышлениях соединяется с вашим собственным опытом настолько, что становится полезным вам, как и этот опыт.

Привлекательность таких произведений состоит в том, что в них царят краткость, точность и удачный выбор фраз и предложений.

Это не столь легко достижимо, как кажется. Приходится множество раз обтачивать одну какую-нибудь мысль, чтобы передать ее во всей ее непосредственности, и нужное слово отыскивается всегда в последнюю очередь.

Позволю себе привести тому один пример, извлеченный из знаменитой книги размышлений герцога Ларошфуко. Шестьдесят пятая максима изложена им в следующих немногих словах: «Нет недостатка в похвалах осмотрительности, однако она не может оградить нас даже от самого ничтожного события».

Какая глубина и какая точность за этой величайшей простотой! Вот, поистине, жила самородного золота, укрытая приятной зеленью луга.

Впрочем, я уверен, что многие люди сочтут себя в состоянии точно так же выразить эту мысль и будут очень удивлены, узнав от аббата Бротье, что прославленный автор, которого тот комментировал, переделывал эту максиму два или три раза. Сначала он пространно изложил ее так: «Осторожность возвышают до небес, и нет таких похвал, которые бы ей не расточали: она-де правило наших поступков и нашего поведения, она — повелительница счастья, она вершит судьбами империй, без нее удел наш — любые беды; с нею и все блага с нами. И как говорил когда-то поэт, желая сказать, что в осторожности мы находим всю помощь, которой просим у богов, когда мы проявляем осторожность, ни одно божество не оставляет нас. Однако самая тщательная осторожность не оградит нас от самого малого влияния света, поскольку, имея дело с такой изменчивой и незнакомой материей, как человек, осторожность не в состоянии надежно осуществить ни одного своего замысла, из чего следует заключить, что все похвалы, которые мы расточаем нашей осторожности, тешат лишь наше самолюбие, которое рукоплещет само себе по всякому поводу и при всяких обстоятельствах».

Это, несомненно, не та манера, по которой можно распознать самого искусного из философов и одного из наиболее выдающихся вельмож двора Людовика XIV Едва возможно заподозрить в таком рассуждении наличие зерна прекрасной мысли. Оно в нем, впрочем, содержится, как блеск драгоценного камня в бесформенной глыбе руды.

Вот как он переплавил ее во втором издании. «Нет недостатка в похвалах осторожности. Однако, как бы ни была она велика, она не оградит нас ни от одного малейшего события, ибо имеет дело с человеком, который есть самый изменчивый на свете субъект».

Этот второй вариант, бесконечно более высокий, не достигает тем не менее степени той шлифовки, которую вы обнаруживаете в третьем варианте, том, что герцог Ларошфуко принял для последнего издания своего труда.

Соизвольте же простить мне эту маленькую диссертацию. Мой дорогой метр, она мне помогает установить, что искусство со вкусом извлекать квинтэссенцию глубоких размышлений и

долгих раздумий должно быть самым трудным уменьем писать на философские темы, наиболее или единственно полезным для мыслителей.

Прошу Вас принять выражение моей почтительной дружбы.

Князь Белосельский.

ДИАНИОЛОГИЯ, ИЛИ ФИЛОСОФСКАЯ СХЕМА ИНТЕЛЛЕКТА

I РАЗДЕЛ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Есть, быть может, только одна надежная точка зрения на людей, единственное благоприятное освещение, в котором следует их видеть, подобно тому как рассматривают картины: надо уметь перед ними встать, в этом все дело.

§ 2. Люди не равны. Душевные качества единственно определяют различие между ними. А в обществе весьма благоразумно принято, что наиболее важный принцип неравенства образуют рождение и состояние.

§ 3. Таковы те немногие преимущества, которые даже самое чувствительное самолюбие никогда не могло бы отрицать. Чтобы оценить их, нужно только уметь считать титулы и бумаги. Это, конечно, легче, чем расставлять таланты по местам, которых они заслуживают, что я пытаюсь сделать по этой схеме.

§ 4. Но если почести принадлежат тем, кто пользуется этими двумя преимуществами, уважение все же остается за теми, кто наделен природными отличиями.

§ 5. Взгляните на могущественного монарха, которого возвышает только трон, и на простого гражданина, обладающего лишь гением и добродетелью, и сравните два разных чувства, которые пробудит у вас их вид.

§ 6. В присутствии султана воображение, возможно, сожмет ваше сердце, вы будете смущены и испуганы.

§ 7. При виде великого человека страх не обезобразит ваши черты. Но и вы, быть может, ощутите — не знаю уж сам — какое-то святое смятение и почтительно склонитесь перед ним.

§ 8. Существует, следовательно, общественное неравенство и естественное различие между людьми.

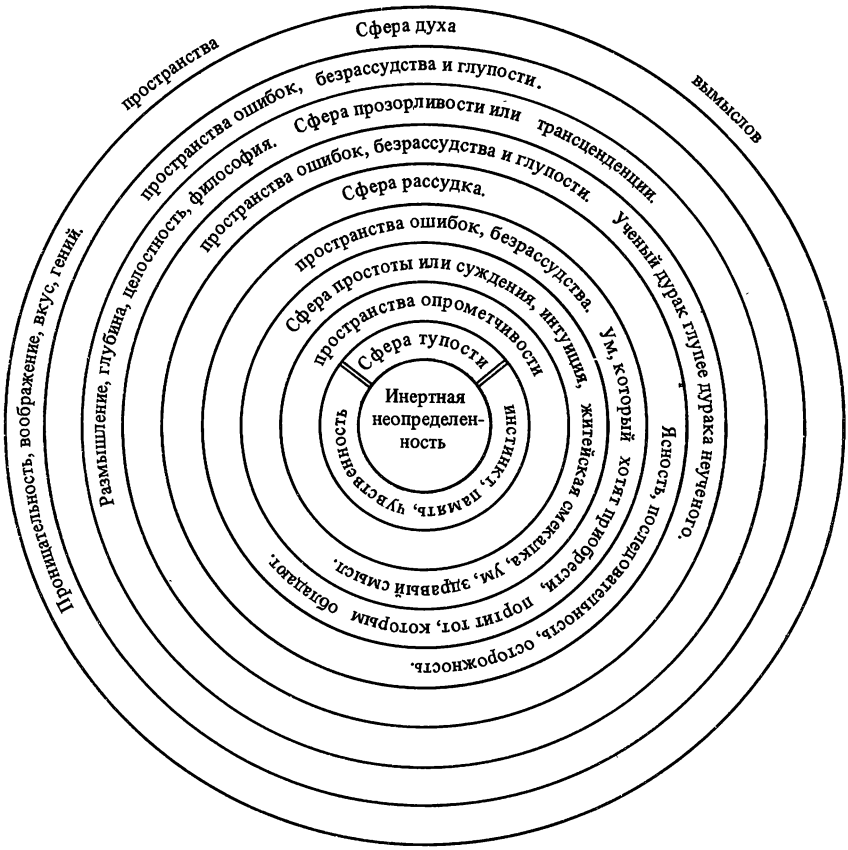
§ 9. Размышление, к которому склонен каждый человек, стремится исправить глубокое неравенство, существующее в гражданском обществе.

§ 10. Человек, который взрастил свои моральные способности, сколь бы малыми они ни оказались, несомненно, полезнее человека, наделенного умом и энергией, но оставившего их на невспаханной борозде.

Действительно, первый не выходит за пределы своей природной ограниченности: пусть он несколько тяжеловат, однако он побуждает уважать свою посредственность, он способен занимать различные должности, если и не сложные, то по крайней мере обременительные. В то время как другой со своим взбудораженным мозгом ежеминутно вспыхивает и гаснет.

Дианиология

Схема А

§ 11. В результате достойный человек может проявить себя в любой сфере (см. схему А). Он проделывает свой путь независимо от того места, которое определила ему Природа.

§ 12. Здравый смысл, рассудок, прозорливость, дух по своему происхождению суть естественные дары, не зависящие от наших чаяний и хлопот.

§ 13. Невозможно увеличить свою меру рассудка и духа, если вы не рождены в соответствующем круге. Ибо нельзя расширить сферу своих идей, как бы вы их ни упражняли.

§ 14. Но каждый в своей Сфере имеет возможность с большим или меньшим усилием раздвинуть природные границы, порожденные незнанием. Только благодаря учению, а не ученичеству, размышлению, а не эрудиции удается совершить свой круг и прибыть к пункту конечному.

§ 15. Пространства, которые разделяют различные сферы ума, образуют как бы их атмосферу. Это значит, что душа не может выйти за пределы этой атмосферы так же, как телу не дано пересечь пространство эфира между нашим земным шаром и Луной.

§ 16. Бывает, правда, что человеческая душа освобождается от них по своей ветрености или по безрассудству, неосмотрительно берет разбег, устремляется за пределы своих возможностей, подобно аэронавтам, лишь усугубляя в результате свое ничтожество.

§ 17. Таким образом, круг моих интеллектуальных возможностей ограничен по природе. Я получаю при рождении и помимо моей воли росток доступного мне интеллекта. Но лишь по своему хотению я даю ему распространиться так далеко, как только он может вырасти.

§ 18. Взгляните на охотничью собаку. По мере обучения она, несомненно, становится хитрее и искушеннее, но никогда не сравняется она в ловкости с лисой.

§ 19. Стало быть, природа поставила различные пределы в сфере тупости, которые животные не в состоянии раздвинуть. Вот что делает душу осла ниже души слона, и ум совы — ниже ума осла.

§ 20. Человеческий ум не знает границ, но ему свойственны присущие ему природные пределы. Это пределы, положенные Сферой, в которой мы рождены.

Иначе говоря, ничто не мешает нам на деле двигаться в пределах нашей Сферы, совершенствовать рассудок, которым нас наделила природа, приобрести все знания, которые нам доступны. Но нам отнюдь не позволено выйти из нашей Сферы и перейти в другую. Перст самого Бога начертал эти пределы.

§ 21. Расин-отец и Расин-сын — оба были достойными людьми. И тот и другой равно и глубоко развивали ум, которым были наделены. Откуда же происходит превосходство таланта отца?

Причина в том, что он был рожден в другой Сфере, чем его сын.

Причина в том, что он шел Сферой духа, тогда как другой шествовал в пределах Сферы разума.

§ 22. Они не могли поэтому сойтись друг с другом. Им, безусловно, помешали непреодолимые барьеры.

§ 23. Не в том дело, что они не могли измерить друг друга взглядом. И не в том, что путем размышления они не смогли судить взаимно о значении другого. Но могли ли они почувствовать это?

Чтобы чувствовать, как кто-либо другой, нужно стать на его место. Чтобы судить о ком-нибудь, надо лишь не выпускать его из поля зрения и сравнивать.

§ 24. Если я рожден в одном из пунктов Круга Простоты, то только от меня, конечно, зависит дать себе отчет во всех чувствах, на которые я способен, и стать тем самым человеком здравого смысла.

Но я не мог бы получить представления о чувствах тех, кто рожден в более высокой Сфере. Я понял бы вполне крик души Корреджо, увидевшего картины Рафаэля: и я художник! Но я не пережил бы такого потрясения.

II РАЗДЕЛ

О ДЕЛЕНИИ ВСЕОБЩЕГО УМА НА ПЯТЬ КРУГОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Я называю инертностью неопределенную среду, где покоится зародыш всеобщего интеллекта, лишенный организации.

Если вообразить некое организованное существо, способное только на чисто созерцательные идеи без малейшей способности к рефлексии, которая могла бы сказать о себе: я рассматриваю, не добавляя: я вижу — таковы, быть может, полипы, — мы могли бы поместить такое существо в эту среду.

Круг, который располагается непосредственно за инертностью, есть Сфера тупости.

§ 2. В ней совершают свой жизненный путь животные, низшие по сравнению с нами. Тот, кому предназначено пройти эту Сферу целиком, заслуживает особого отличия. Таков, например, бобр.

§ 3. Люди в той Сфере не пребывают, разве что в состоянии болезни, но тогда они, разумеется, не способны состязаться с рядом замечательных животных. Такие люди быстро останавливаются в своем движении. Их называют дурнями или недоумками.

§ 4. Король Франции Карл VI стоит во главе этого несчастливого класса.

III РАЗДЕЛ

О ВТОРОЙ СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТА

§ 1. Вторая Сфера есть Сфера простоты, где расположены интуиция и здравый смысл.

§ 2. Тот, кто проходит эту Сферу, прекрасно осуществляет все заветы, данные ему природой. Он достойный человек, несмотря на то, что его идеи недостаточно трансцендентны.

§ 3. Если же он не завершает круга, останавливается рано или поздно, его называют или Простаком, или Глупцом, или Болваном.

Шамияр, военный министр времен Людовика XIV, поочередно попадал в оба эти последних положения.

§ 4. Кардинал де Флери, неторопливый, скрытный, с размеренными манерами человек, с благонамеренными, но очень ограниченными взглядами, последовательной волей, но без малейшей энергии, мало-помалу совершил круг в своей Сфере и стал здравомыслящим и, следовательно, достойным человеком.

IV РАЗДЕЛ

§ 1. Рассу́док образует меридиан глобуса наших интеллектуальных способностей.

§ 2. Именно в этой Сфере рассудка возвышается явно непреодолимый барьер между душой человека и душой животных. Дело в том, что некоторые из этих последних, лучше организованные, иногда, как может показаться, в результате обучения вступают в Круг Простоты, оказываясь выше глупых людей, которые переходят в Круг Тупости.

§ 3. Пройдя Круг Рассудка и прибыв в исходный пункт, человек становится неограниченно рассудительным. Ему нечего завидовать тем, кто движется над его головой в высшем круге, их умению размышлять и судить, их состоятельности, проницательности, осмотрительности.

Таков Катон, всегда хладнокровно взирающий на вещи и способный видеть их в лучшем свете. Таковы Фабий, Монтекукули, Кольбер, Депрео, Юм, Карл V, король Франции.

§ 4. Если конституция человека делает его неспособным к длительному вниманию, если он останавливается, пройдя четверть, треть, половину своей Сферы, он невежествен, бездарен, педант и пр.

§ 5. Он невежда, если не изучает то, что знает.

Он бездарен, коль скоро не ведает, что исповедует.

И он педант, когда запоминает, а не понимает и тяжело ступает по потаенным тропам.

§ 6. Викфор, известный политический писатель, попеременно являет собой пример всех трех вышеназванных случаев.

§ 7. Большая часть его соратников и последователей распределяется по этим рубрикам.

V РАЗДЕЛ

О ЧЕТВЕРТОЙ СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТА

§ 1. Сфера прозорливости, или трансценденции, — это сфера людей, которые глубоко размышляют, проникают в суть самых труднодоступных пониманию вещей, оперируют бесконечностью в своих расчетах.

§ 2. Но, чтобы таким путем овладеть великим механизмом строгих мыслей, нужно проделать долгий путь естественного развития.

§ 3. Локк, Эйлер, Макиавелли, Мальбранш, поэт Саади из числа писателей, Кромвель, Сикст V, Филипп II среди властителей народов могут послужить тому примером, каждый в своем роде.

§ 4. Однако нет ничего легче, чем застрять на этом пути, если поспешают, не торопясь.

Нередко случается увлекаться абстрактным размышлением без философии, принимать пустое за глубокое и невозможное за трудное, как это делал весьма часто эрудит Вольф и его многочисленная свита.

§ 5. Развлечения, удовольствия, светская суета также препятствуют продвижению в этой Сфере.

§ 6. Может быть, при меньшей склонности к чувственным наслаждениям какой-нибудь лорд Кларендон продвинулся бы в ней столь же далеко, как Кромвель.

§ 7. Быть может, и Филидору, самому умелому игроку в шахматы, недоставало лишь благородства чувств и случая, чтобы сравняться с Кларком или встать вровень с Тюренном.

§ 8. Ибо дух игры еще далеко не оценен по достоинству.

§ 9. Правда, что он часто покрывает себя позором из-за мотивов стяжательства и неблаговидных нравов тех, кто одержим игрой. Но, по сути дела, им движет тот же дух геометрии.

§ 10. Какой размах комбинаций, какая точность и быстрота необходимы для того, чтобы играть умело!

Опытный игрок, по словам Фонтенеля, — это либо великий математик, либо человек, рожденный быть им.

§ 11. При том, что он не может подобно математику дать себе необходимое время для решения своих проблем, решать ему надо быстро и разом, вмиг, резко напрягая все струны своей души.

Отсюда то истощение, которому подвержены головы лучших игроков. Отсюда своеобразный упадок сил, в который впадают после игры. Отсюда обычная неспособность игрока ко всякому другому делу.

§ 12. Почти такое же сравнение можно сделать между крупным геометром и опытным военным.

§ 13. Речь идет здесь не о ремесле, не о военном мастерстве, но о духе войны, который требует большой широты взглядов, чтобы охватить одновременно множество различных связей и безошибочных сравнений, требует точности в их результатах и, сверх всего, самой крайней стремительности действий.

§ 14. Геометр поступает с большей последовательностью, добросовестностью и медлительностью. Он совершает за один раз не более одного шага, принимает меры, чтобы его вполне обеспечить, прежде чем сделать второй.

Можно было бы сказать, что он затрачивает и восстанавливает свои силы по своему усмотрению, когда желает, останавливается и пускается далее в путь с новой энергией.

§ 15. Напротив, великий полководец под влиянием обстоятельств, одним взглядом и как бы по наитию охватывает бесконечное множество событий, сразу решает все свои пробле-

мы, неожиданно пуская в ход все ресурсы своей прозорливости.

§ 16. Впрочем, дух геометрии не тождествен самой геометрии. Он может проникнуть во все человеческие знания. Он распространяется повсюду, часто передается от одного человека другому, доходя даже до тех, которые совсем не знают науки о свойствах пространства, хотя и в их идеях есть порядок, ясность, точность и аккуратность.

VI РАЗДЕЛ

О ПЯТОЙ, И ПОСЛЕДНЕЙ, СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТА

§ 1. Дух есть вершина человеческого рассудка. Это, говорит Монтескье, род, подразделяемый на несколько видов: здравый смысл, различение, справедливость, талант, вкус, гений.

§ 2. Надобно тем самым уметь одновременно воздействовать на несколько органов, вызывая в душе целый ряд ощущений, чтобы быть подлинно человеком.

§ 3. Характерное свойство духа — быть или наивным или возвышенным, но всегда — врагом застоя и пределов.

§ 4. Он привлекает, потому что непрестанно показывает больше, чем ожидают увидеть.

§ 5. Когда он обращен к нам лицом, он словно солнце в полдень. Когда же он прячется, то подобен солнцу в облаках, которые оно расцвечивает тысячью оттенков.

Жан-Жак чаще являет собой первый случай. Лафонтен — второй.

§ 6. Когда человек шествует в Сфере духа, можно, пожалуй, сказать о нем, что каждый его шаг позволяет догадываться о множестве последующих, которые он сделает следом за этим.

И он разом открывает то, что в Сфере прозорливости часто можно узнать лишь после долгих размышлений.

§ 7. Если же нет сил или решимости завершить полный обход этого круга, и человек останавливается, то о нем говорят, что у него «не хватило духа».

§ 8. Им можно обладать в достатке и все же не быть при этом человеком духа в том точном смысле, о котором я говорю. Например, в литературе, пронизанной философией, Свифт наделен большим духом, чем Рабенер, но у него его менее, чем у Лабрюйера: Монтень — вот человек духа.

§ 9. Вкус и изящество естественно входят в эту сферу.

Изящество тела, несомненно, привлекательно, оно и выглядит всегда именно таким, каково оно есть, тогда как изысканность духа обнаруживается лишь в той мере, в какой она сама того желает, как утренняя заря, которая улыбается сквозь легкую дымку.

§ 10. Она производит своеобразный неожиданный эффект, образуя нечто пикантное своей наивностью, приветливостью, умением держаться, что и составляет ее сущность.

§ 11. Изящество умеряет в человеке важность, которую придает ему ощущение собственной силы, а также высокомерие, побуждающее к дерзости поведения и мешанине взглядов.

§ 12. Природный вкус не есть ни рассудочная способность различать вещи, ни всеохватывающий расчет прозорливости. Следовательно, он менее всего принадлежит каким-либо предыдущим сферам.

§ 13. Тот, кто познает истину только в споре, есть человек суждения. Тот, кто ощущает ее без диспута,— человек вкуса.

§ 14. Мы признаем или отвергаем идею, лишь рассмотрев ее со всех сторон. Иной же человек разом охватывает различные качества вещей.

§ 15. Вкус есть тонкое и быстрое ощущение прекрасного и безобразного, обостренное и мгновенное проявление морального такта, когда при этом человек не задумывается о правилах.

§ 16. Что касается таланта, то Монтескье, без сомнения, напрасно утверждает его исключительную зависимость от духа.

Талант есть природная способность легко делать трудные вещи, которые нам под силу. Вот почему он может встречаться во всех сферах познания.

§ 17. Бывший король Станислав обладал талантом царствовать, министр Герц имел талант интриговать, кардинал Осса — вести переговоры, Карл XII — сражаться. Все они были рождены в различных Сферах.

VII РАЗДЕЛ

О ГЕНИИ

§ 1. Монтескье обоснованно включает гений в число способностей духа и объявляет его одним из его видов.

В самом деле, гений принадлежит духу, как струя воды в неиссякаемом источнике.

§ 2. Гений — это струя фонтана великого воображения и глубокого чувства.

§ 3. Она может быть более или менее мощной, более или менее высокой. Но она не может держаться сама собой и вечно падает.

Счастливец Ньютон — пламенная душа его, вознесшись к небесам, вновь опускается вниз, сохраняя память об увиденном и пополняя ее в своей родной сфере расчетами.

§ 4. Гениальные умы, однако, должны страшиться одного великого несчастья: очаровавшись понапрасну, они по необходимости падают ниже своей Сферы и в интервалы между Сферами.

Посмотрите на Декарта, взявшегося вдруг доказывать нечувственность животных, и на самого Ньютона, в конце концов принявшегося толковать Апокалипсис.

§ 5. Взгляните на всех гениев первого порядка в любом жанре: на Жан-Жака, Мильтона, Кортеса, Конде, Ришелье и иных. Нужно

признать, что после величественных взлетов они не всегда опускались на тот уровень, который им подобает.

VIII РАЗДЕЛ

О ПРОСТРАНСТВАХ

§ 1. Заблуждение шествует рядом со всеми Сферами нашего рассудка и сопутствует нам во все времена нашей жизни.

Если кто-либо кажется всегда мудрым, говорил маршал Чернышев, то это только потому, что его безрассудства пропорционально покрываются его возрастом, состоянием, положением.

§ 2. Заблуждение есть ошибка восприятия, безрассудства — промах воображения.

Когда сбиваются со своего пути, проявляя своего рода наивность, это ошибка. Когда блуждают в плену иллюзии, это безрассудство.

§ 3. Следует вообще отметить, что промахи низших умов — это чаще всего простые ошибки, а промахи людей высшего порядка — скорее всего безрассудства.

§ 4. Глупость обычно более всего связана с недостатком среднего ума.

§ 5. Если животное заблуждается в своей Сфере тупости, оно оказывается глухим к зову своего инстинкта, оно не слушается своей природной узды. Оно опрометчиво. Это лягавая, которая катится кубарем на бегу. Это взыгравший некстати конь, закусивший удила.

§ 6. Если вместо того, чтоб ускорить шаг, двигаясь в Сфере простоты, человек виляет, прыгает через барьеры, бесполезно горячится, он истощается в беге от ошибки к ошибке. Таков случай толкователя веры моралиста Николя.

§ 7. Несообразность эта удваивается, коль скоро переходят разграничительные линии трех последних Сфер. Тщеславие нередко смешивается с заблуждением, и заблуждение становится тогда глупостью.

§ 8. Глупость, следовательно, есть просчет самолюбия. Глупец тот, кто, не зная свою природную Сферу, пытается беспрестанно взлететь, кто скачет через барьеры, кто думает сравняться со всеми теми, кого он видит впереди, кто блистает в собственных глазах, кто всегда доволен и восхищается самим собой.

§ 9. Нужно было бы назвать здесь в качестве примера четверть людей, живущих в мире, которым воспитание не привило достаточно мужества.

Следует заметить, что низшие классы общества поставляют мало глупцов.

Подлецы из народа карабкаются вверх обычно без гордыни. Эта особенность, по-видимому, отличает отбросы хорошего общества.

IX РАЗДЕЛ

Существует ли средство испытать наш интеллект сознанием, как пробуют золото огнем, чтобы узнать самого себя и место, в которое нас поместила природа?

§ 1. Когда человек сосредоточивается, когда он внимательно вслушивается в голос сердца в тишине страстей и ощущает в себе ту природную прямоту, которая противна заблуждениям, и ясно различает, хотя и не сразу, добро от зла, справедливое от несправедливого — он может сказать себе, что он рожден в Сфере суждения или простоты.

Кто-то сказал, что можно быть глупцом, наделенным воображением, но никогда — глупцом, способным к суждению.

§ 2. Если та самая ваша прямота чувства естественно оказывается порождением всего того, что нас окружает, если она питается, хотя вы и сами того не ведаете, доходчивыми истинами, которые общество ей непрестанно сообщает, если это чувство растет и ширится по мере формирования человека, которого оно побуждает прислушиваться к своим раздумьям, если оно судит о них не спеша, но оценивает степень необходимого влияния на него добра и зла, если, наконец, оно в состоянии перевернуть все, чем кормится, вы можете быть уверены, что Сфера рассудка есть ваша прирожденная Сфера.

§ 3. Когда в трудных обстоятельствах вы ощущаете в себе неодолимую силу интеллекта, которая влечет вас прямо к вашей цели, когда при малейшем поводе вас влечет к меланхолическому размышлению, коль скоро вас более трогает, более располагает к задумчивости вид постоянно полноводной, поднятой плотинами, приносящей пользу реки, нежели при виде обширного, простирающегося вдаль потока, который обещает лишь приятную и покойную жизнь, тогда вы можете быть уверены, что родились в Сфере прозорливости, или трансценденции.

§ 4. Если в сосредоточенности вашей души вы ощущаете в ней семена всех истин и всех чувств, если ничто не поражает вас как нечто абсолютно новое, если ничто не надоедает вам как что-то абсолютно тривиальное, если вы часто находите нечто оригинальное в самых знакомых людях и в самых обыденных вещах, если вы судите о них, руководствуясь более чувством, нежели рассуждением, если вы излагаете свои идеи пылко, образно, с чувством, если вы умеете нравиться самому себе, то ли благодаря игре воображения и изобретательным вольностям Общества, то ли при посредстве философских бесед в духе той уравновешенной во всех отношениях философии, которая состоит в восхождении от следствий к их причинам с той легкостью, которой Лафонтену достаточно для сочинения басни, если вами движет желание скорее убеждать, нежели принуждать, как сделали бы вы в Сфере прозорливости, или доказывать, как подобает в Сфере рассудка, — тогда вы можете признать, что ваше естественное место — в Сфере духа.

§ 5. Гениальный человек отличается от прочих лишь на краткий миг. Гений — это взрыв, который не может долго длиться. Это, как я уже говорил, взлет струи великого воображения и глубокого чувства.

Так, Александр пережил свое первое потрясение, когда рассказ о победе отца привел его во внезапную ярость, из глаз его хлынули слезы и он вскричал: «Значит, он не оставил мне ничего, что я мог бы совершить!»

Карл XII, Корреджо, Жан-Жак Руссо, Ломоносов и другие внезапно ощущали в различных случаях такое же потрясение. Жан-Жак — единственный из них, кто осмеливался поведать потом о своих переживаниях.

Прочитав знаменитый вопрос Дижонской академии: способствовали ли науки и искусства совершенствованию или падению нравов, «внезапно, — рассказывает он, — я ощутил, как мозг мой пронизали потоки света, полчища трепещущих мыслей разом нахлынули на меня и с ними смятение, которое ввергло меня в неописуемое волнение, я почувствовал, что головой моей овладевает безрассудство, похожее на опьянение. Сильная дрожь охватывает меня, вздымает мою грудь, не имея более сил дышать, я падаю под какое-то дерево. Под ним я провожу долгое время в таком возбуждении, что, поднявшись, я замечаю, что моя куртка спереди мокра от слез, а я и не почувствовал, как проливал их. О, если бы я смог описать четверть того, что видел и прочувствовал под этим деревом! Все, что я сумел удержать в памяти из тьмы великих мыслей, которые озарили меня, лишь весьма скудно рассеяно в моих писаниях».

Схема Б

ДИАНИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

Сфера простоты, или суждения	Сфера рассудка	Сфера провидения, или трансценденции	Сфера духа
СТАНИСЛАВ, бывший король. О нем можно было бы сказать, что он превосходил лучших государей в искусстве располагать к себе людей. ФЕРДИНАНД-католик. ЛЕОПОЛЬД I КАРЛ VI	ЛЮДОВИК XIV История не знает другого властелина, который обладал бы столь верным моральным тактом. Только это и отличает его от обычных королей, но в подавляющей мере, даже в сравнении с наиболее великими из них	* Филипп II * Людовик XI ** Генрих VIII ГУСТАВ ВАЗА * Сикст Пятый	ФРИДРИХ II, гений. * Карл V ПЕТР I, гений. ** Франциск I, ль французский, гений. *** Карл XI, гений. *** Св. Людовик, гений. ГЕНРИХ ВЕЛИКИЙ
АННА АВСТРИЙСКАЯ, мать Людовика XIV	* Мадам Дасье ** Кристина МАДЛЕН БОНСИНЬОРИ	* Мадам де Ментенон, жена Людовика XIV	Маркиза де СЕВИНЬЕ * Нинон де Ланкло. Необычный ум, кото-

Мадам де ПОМПАДУР, возлюбленная Людовика XV

** Маркиза дю Шатле

рый сумел перебросить золотой мост между добродетелью и сладострастием.

* Елизавета, королева Англии.

Дон ЛУИС де ГАРО
Кардинал де ФЛЕРИ

МАЗАРИНИ. Ясность слога, гибкость, терпение, удача.

КОЛЬБЕР
Герцог ОЛИВАРЕС

Д'ОССА
СЮЛЛИ
ОКСЕНСТЬЕРН
КРОМВЕЛЬ

** Альберони
Д'ЭСТРАДЕ
РИШЕЛЬЕ,

** Аббат Пари. Он должен был иметь еще больше характера, чем уменья понимать.
Именно совершенное равновесие двух этих моральных начал есть средство сделать человека уважаемым в любом роде и в любой Сфере.

** Лютер. Ученик обстоятельств и властелин двадцати миллионов людей.

* Бурдалу.

* Кальвин. Столь же меланхоличный, столь же великий, как Катилина, более удачливый, чем он, владычествующий благодаря убеждению

СПИНОЗА

*** Аббат Рансе

* Боссюэ, гений.

*** Магомет, гений.

МАССИЛЬОН

СУБИЗ

КАТИНАТ. Он мог бы быть, по своему выбору, отличным министром, просвещенным судьей, так же как превосходным генералом.

МОНТЕКУКУЛИ

ТЮРЕНН
РЮИТЕР
КЕЙТ

* Евгений, гений.

* Великий Конде, гений.

ЛЮКСЕМБУРГ
ВИЛЛЕР
Граф САКСОНСКИЙ, гений.

КОРЕЛЛИ
АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР

* Мартини
НИКОЛА ПУССЕН, поднявшийся благодаря учению, на вершину своего великого искусства.

ТРАЕТА

* Рамо. Самый умелый геометр звуков.

АННИБАЛО КАРРАЧЕ

ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ. Самый оригинальный мастер композиции, по мнению самого Пичини.

РАФАЭЛЬ

*** Микеланджело, гений, гений.

Ла ШОССЕ
ГЕЛЛЕРТ

*** Скюдери

** Котэн

ВИТРАРИУС
Д'ОБАНТОН

ПОП
ДЕПРЕС

** Шаплэн

* Пуффендорф

ЛИННЕЙ
ПЛЮШЕ

КРЕБИЛЬОН
АДДИСОН

** Данте

* Гротиус

ГЕНКЕЛЬ

РОССИНИ
КОРНЕЛЬ, гений.

* Вольтер, гений.

** Ариосто, гений.

*** Шекспир, гений, гений.

* Макиавелли

БЮФФОН

* Эпиктет

* Николь

ЭПИКУР
ЮМ
КОНДИЛЬЯК

** Зенон
ЖАРРОН

** Мальбранш

ЛОКК

** Паскаль

** Платон
МОНТЕНЬ

** Декарт, гений

ГЕЛЬВЕЦИЙ

* Ж.-Ж. Руссо, ний, гений

НЕВЕР

ПЕЗЕ

СЕН-СИМОН
КЛАДЕНДОН

СЕНТ-ИЛЕР

** Кардинал де Рец, гений.

ГРАММОН

Чтобы оценить способности человека, нужно внимательно наблюдать и слушать его или же читать на свежую голову, без пристрастия, предубеждения и энтузиазма. Способности возникают как плоды нашего опыта. Человек обладает способностью лишь постольку, поскольку он надлежащим образом развивает свой интеллект, но он наделен способностью мыслить только в той мере, в какой ему предустановлено обладать ею. Оценить интеллект гораздо труднее, чем способности. В последнем случае достаточно рассматривать человека во всех его качествах без различия между ними, в то время как в первом нужно анализировать, исследовать развитие его интеллекта, определяя его границы и проверяя фактами его память. Надобно, наконец, различать то, что присуще ему самому, от того, что он счел благоразумным позаимствовать и более или менее искусно смешать с тем, что ему присуще.

Эта схема составлена лишь для того, чтобы представить степени человеческого интеллекта, полностью очищенного от приобретенных знаний. Без этого нельзя понять то, что Людовик XIV, который царствовал с такой славой, помещается в Сфере рассудка, тогда как мадам де Севиньи, которая покорила всего два или три нежных сердца, блистает в Сфере духа. Как можно было бы без этого сохранять столь четкую дистанцию между интеллектом, присущим Монтекукули, Тюренну и принцу Евгению, трем воителям первого порядка, второй из которых считается даже мудрейшим из полководцев?

В этой классификации не принимаются в расчет ни разница в роде занятий, ни большее или меньшее различие в знаниях каждого; и то и другое ни в чем не касаются природных различий; речь же идет здесь именно о них одних.

В ней выделены крупными буквами имена наиболее рассудительных людей, которые замкнули круг свойственной им прирожденной Сферы. Те, кому присущи внезапные вдохновения души и воображения, отличены простым словом «гений». Одной, двумя или тремя звездочками обозначены те, кто более или менее часто покидает свою Сферу, что всегда представляет собой заблуждение, безрассудство или глупость.

К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ Г Г ШПЕТА «ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ»

А. А. Яковлев

Статья Густава Густавовича Шпета (1878—1940), выдающегося деятеля русской и советской философской науки, написана в 1917 г. и опубликована в 1922 г. (Научные известия. 1922. № 2. С. 1—35). Это издание стало сегодня библиографической редкостью.

Почти все произведения мыслителя объединены стремлением решить одну общую задачу, придающим его исследованиям харак-